

Идеи и смыслы

САВИЧЕВ Владимир Леонидович — кандидат политических наук, доцент; исполнительный директор Школы молодого этнополитолога, директор Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Кирова, 15; vlsav2012@yandex.ru)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. В статье рассматривается современный концепт историко-мемориальной памяти в российском цивилизационном пространстве. Автор фокусируется на стратегиях формирования национальной идентичности и понимания ценности российской цивилизации, значимости своей национальной культуры, формирования чувства гордости за историю своего государства, желания продолжить жизнь в российском цивилизационном пространстве.

Ключевые слова: историко-мемориальная память, идентичность, российское цивилизационное пространство

Борьба с русским языком и памятниками периодов Российской империи и СССР на территории Украины и Прибалтики, стремление пересмотреть символические практики, направленные на утверждение дружбы с Россией и российским народом в ряде стран Европы, ставят перед нами вопрос о реальной цели этой целенаправленной политики. Что хотят стереть или переформатировать в сознании людей? Идеологические концепты? Но как это относится к сносу памятников Пушкину или Менделееву? Для чего запрещают использовать русский язык в образовании и социально-экономических отношениях? Явно в этих случаях речь идет не о декоммунизации. Это всего лишь неуклюжая отговорка. Задача стоит более масштабная — выдернуть социальные группы и целые территории из одного культурно-цивилизационного пространства и либо втащить в иное, не свойственное данному народу, социальной группе, либо навязать им идейную химеру, которая полностью уничтожит или атомизирует идентичность, ставшую жертвой такого социального эксперимента.

Историко-мемориальная память, как и нематериальное культурное наследие, всегда составляют основу культурной цивилизации, рассматриваются и понимаются адекватно только в контексте традиций этой цивилизации и утрачивают свое влияние в сознании тех людей, которые не социализированы в культурных кодах данной цивилизации.

Поэтому логична и понятна цель политики историко-мемориальной памяти: утвердить в общественном сознании ключевые ценностные ориентиры, основы и принципы идентичности, легитимировать систему властно-субъектных отношений. Исходя из этих целевых установок, рассмотрим задачи, которые должен решать современный концепт историко-мемориальной памяти в российском цивилизационном пространстве.

Преимственность. Российская цивилизация развивается более тысячи лет. А предпосылки и культурные корни ее гораздо старше. В том числе она является наследницей тех племенных и государственных формирований, которые объединяли территории современного российского цивилизационного пространства. Точно так же, как Иран сегодня признает все эпохи своего исторического развития — от создания государственности индоиранскими племенами до современного шиитского теократического правления, так и Россия включает в себя различные исторические этапы своего развития — этнокон-

фессиональные, сословные, классовые, обрاملенные государственностью на основе монархии, диктатуры пролетариата, «развитого социализма», демократии. Каждый этап был естественным продолжением предыдущего. Каждый имел свои противоречия, ошибки, победы. Но ни один из них не являлся для России чем-то враждебным, ненужным или позорным. Отрицание любого исторического этапа – это элемент политической технологии, направленной на разрыв преемственности, а значит на делигитимацию самой российской цивилизации. Все этапы так или иначе опирались на культурные основы многонационального народа, который рассматривает российскую цивилизацию как свое пространство жизни и развития.

Учитывая всю совокупность эпох социального и государственного становления российской цивилизации, мы, безусловно, увидим как фундаментальные ценности, ставшие базой российской цивилизации, так и постоянно присутствующие факторы враждебного отношения к ней.

Когда об этом забывают или пытаются представить ситуацию в искаженном ракурсе, российская цивилизация неизбежно оказывается в кризисе или на краю гибели. Так было в XIII в., когда игнорирование внешней угрозы привело к системному поражению княжеств, на которые до того распалось древнерусское государство. Так было в начале XVII в., когда борьба за власть едва не закончилась воцарением польского короля и подчинением католической польской шляхте. Так было в XX в., когда Россия сначала встала на грань распада и лишь неимоверными усилиями смогла сохранить свою независимость, а потом подверглась страшнейшему удару за всю свою историю и, принеся неисчислимые жертвы, смогла преодолеть врага, поставившего своей целью полностью стереть ее из истории. В конце прошлого века политическая элита навязала обществу идею полного отказа от самобытности российской цивилизации и включения России в глобальный либеральный цивилизационный миропорядок. А это поставило под вопрос необходимость сохранения памятников существовавшей культурной традиции. Востребованными стали культурные практики, которые высмеивали, отрицали и видоизменяли прежние культурные основы бытия. Такая проверка прочности идентичности в одних социальных группах вызвала не просто социальный протест, а настойчивое стремление уйти от либеральной унификации, а в других – готовность изменить свои культурно-цивилизационные основы и покорно воспринять чужую идентичность.

Памятники исторических событий смутных и военных времен не для всех стали напоминанием о трагических последствиях попыток заставить нас отречься от своих цивилизационных корней. Да, мы ухаживаем за монументами в честь погибших. Да, мы нашли в себе силы защитить большую часть из них от варварского разрушения. Но есть ли сегодня в наших идеологических концептах четкое указание молодежи, что это памятники не мертвым, что это символы жизни нашей цивилизации, напоминание, благодаря кому они сегодня получили бесценный и уникальный дар – жизнь. Жизнь в обществе, где они определяют свое будущее, жизнь в государстве, способном решать задачи любой сложности и обеспечивать их безопасность, возможности развития с гарантиями их свобод и прав.

К сожалению, идеология личного успеха затмила у значительной части нашего общества понимание того, что только сохранение цивилизационного пространства, неотъемлемой частью которого они являются, может обеспечить им возможность быть субъектами исторического процесса, а не расходным материалом в руках зарубежных распорядителей ресурсов власти. В конце

1960-х гг. прошлого века политическая элита СССР допустила фатальную ошибку — была сделана попытка отвергнуть истину: «хочешь мира — готовься к войне», и возник соблазн договориться с теми, кто всегда смотрел на Россию исключительно как на территорию, которую надо ограбить и подчинить. Вера в химеры зарубежных идеологических учений работает только на интересы сил, желающих поработить российское общество. По-иному и быть не может. Рыбе червя дают не для того, чтобы она наелась, а лишь с целью выловить ее для собственной трапезы.

Это не призыв отказаться от изучения всего мирового опыта идеологических учений. Последний нужен и важен для того, чтобы самостоятельно создавать свои идеологемы, опирающиеся на коренные интересы российского народа и усиливающие роль российского государства в глобальном мировом пространстве.

При таком подходе мы и приходим к пониманию, какие идеи должна вобрать в себя концепция историко-мемориальной памяти российского цивилизационного пространства. Прежде всего, это торжество жизни над смертью. Смертен индивид, но опора на жизнеутверждающие традиции продолжает исторический путь общества и государства. Что защищает российский воин в исторической памяти и сегодня? Жизнь. Жизни детей, жизнь своей семьи, жизнь своего народа. Не случайно фигура воина, держащего на руках ребенка, является ярким символом российской цивилизации не только для россиян.

Это память о том, что является угрозой смерти для нас и как российский народ относится к праву других народов продолжать жить. Как показала история, евро-атлантическая цивилизация в течение веков не может избавиться от соблазна поработить или уничтожить нас. И самый наглядный пример — Аллея ангелов и памятники погибшим детям в ЛНР — свидетельства того, что западный мир не тревожит не только слезинка ребенка, он вполне спокойно может наблюдать за геноцидом целых народов, при этом пафосно рассуждая о правах человека и демократии. Мы это видели на протяжении веков, ничего не поменялось и в XXI в. Геноцид в Газе, трагедия гражданской войны в Сирии, целенаправленная ликвидация единой государственности ливийского народа и множество других примеров показывают, что для североатлантической цивилизации предпочтительнее не гармония соревнования различных цивилизационных центров, а монопольное доминирование, лишение культурной самости любой социальной группы или государства, которые развиваются вне их цивилизационной парадигмы.

Мы защищаем свое право жить в той культуре, разговаривать на том языке, которые передали нам наши матери и отцы. И если в нематериальной культуре об этом сказано много, то мемориальных символов, провозглашающих и воспевающих ценность российского культурного пространства для этноса, рода, семьи, личности, у нас очень мало.

Российская цивилизация — это дом для сотен этносов, это пространство дружбы народов, это территория взаимопроникновения культур, это традиция уважения к соседу, имеющему право говорить на своем языке, верить по-своему, почитать традиции своего народа. И это относится ко всем. Неуважительное отношение к соседу, чей род веками проживал в России, означает, что ты чужак здесь. И мы понимаем, что закрепление этого кредо в памяти молодых людей, воплощение его в памятниках материального наследия — это неременная задача.

В традициях российского общества воспитывать подрастающее поколение на примере героев — героев битв за свой народ и героев созидательного труда.

Одно без другого нежизнеспособно. Все созданное надо защитить, но, чтобы иметь возможность защищать, надо создать щит и меч. Нам нужны записанные на скрижали истории примеры людей-героев. И здесь важен баланс. Дать возможность молодым выбрать на кого равняться — на великого воина, талантливого творца, созидательного труженика, самоотверженного подвижника, на образец высокого духа и героического отстаивания интересов своего народа и своей страны.

Поколениям, воспитанным на советских традициях, сегодня вполне понятно, что мы защищаем в ходе специальной военной операции, кто здесь герой и как память о них должна быть нами увековечена. Но это понятно для нас. А будет ли такое же понимание у молодежи, которая не испытала горечь утраты великой страны? Которой с детства внушали, что им не нужна своя цивилизация, что нет смысла гордиться достижениями большого народа, что не надо напрягаться, отстаивая свою безопасность и суверенитет. Для тех, у кого «хата с краю», все происходящее кажется ненужным и бесцельным. Такой формат воспитания начал у нас доминировать, когда нас убедили отказаться от своего понимания происходящего и полностью довериться либеральной идеологии. Им это было надо, они в такую идеологию вкладывали деньги, подбирали под ее реализацию послушных исполнителей. И во многом добились своих целей. Мы оказались на грани утраты своей идентичности, своей культуры, своей истории и своего будущего. Нас спасает то, что не успели они разрушить семейные традиции, что в российском цивилизационном пространстве успели консолидироваться те силы, которые не хотят, чтобы Россия как самостоятельная цивилизация была вычеркнута из истории.

Вот и получается, что прежде чем повести таких молодых ребят к памятникам героям СВО, у них сначала надо сформировать понимание ценности российской цивилизации, понимание значимости своей национальной культуры, гордость за историю своего государства, желание продолжить жизнь в российском цивилизационном пространстве. Только после этого им станет понятен подвиг тех, кто все это спас дорогой ценой. Только после этого они смогут передать следующим поколениям все величие, всю значимость тех событий, тех жертв, очевидцами и участниками которых мы сегодня являемся.

Не на поколение нам надо сформировать концепт историко-мемориальной памяти о возрождении России в XXI в., а на столетия, при этом честно сказав не только о том, как трудно было уйти от бездны небытия и найти в себе силы воссоздать свой народ и свою страну, но и о причинах, поставивших нас на грань гибели, о тех, кто оказался предателем памяти своих предков, о тех, кто предал свой народ за сребреники, и о тех, кто веками пытается победить нас.

SAVICHEV Vladimir Leonidovich, Cand.Sci (Pol.Sci.), Associate Professor; Executive Director of the School of Young Ethno-Political Scientist, Head of the Institute for Strategic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (15 Kirova St, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450008; vlsav2012@yandex.ru)

CIVILIZATIONAL FOUNDATIONS OF HISTORICAL AND MEMORIAL REMEMBRANCE

Abstract. *The article examines the modern concept of historical and memorial remembrance in the Russian civilizational*

space. The author focuses on strategies for forming national identity and understanding the value of Russian civilization, the significance of national culture, developing a sense of pride in the history of state, and the desire to continue life in the Russian civilizational space.

Keywords: historical and memorial remembrance, identity, Russian civilizational space

КАЗАРЕНКО Дарья Сергеевна – аспирант исторического факультета Донецкого государственного университета (283048, Россия, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, 24), специалист Центра этнополитической реабилитации (283048, Россия, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, 24; danira.13@mail.ru)

ЧУРКОВ Владислав Витальевич – студент исторического факультета Донецкого государственного университета (283048, Россия, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, 24)

РОЛЬ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПАМЯТИ И СИМВОЛИЗМА ДОНБАССА В ПАРАДИГМЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ

Аннотация. В статье представлены статистические данные опроса молодежи относительно политики исторической памяти. В настоящем исследовании источником эмпирических данных выступили результаты анкетирования молодежи Донбасса. Авторы характеризуют роль нематериальных источников памяти, призванных формировать историческую ментальность социума, рассматривают их сквозь призму военно-исторической антропологии и выявляют возможность применения в качестве инструментария при осуществлении образовательно-воспитательной работы с молодежью.

Ключевые слова: историческая память, военно-историческая антропология, национальная идентичность, междисциплинарность

Образование новых независимых государств на постсоветском пространстве в значительной степени связано с формированием национального самосознания народов. В то же время сплочение «новых наций» во многом основано на акцентировании исторических событий и явлений, способствующих росту патриотизма, формированию новой национальной идентичности, в т.ч. в определении роли исторической памяти.

Теоретические и методологические основы концепции памяти вытекают из развития истории и смежных социальных наук, а также актуализации принципа междисциплинарности в мире. Эти принципы отражены в изучении социального взаимодействия [Хальбвакс 2007: 47-49], деструкции исторических сегментов [Нора 1999: 193], стратегиях формирования национальной исторической памяти [Ле Гофф 2013: 115], определениях векторов исторической политики [Ассман 2014: 212-221], необходимости культурного базиса [Хаттон 2004: 318], исторических закономерностях конца истории и ее провалах [Рикер 2004: 612], образовательных программах о коммеморации в государстве [Вирт 2015: 82-86], эпистемологии исторических циклов [Мегилл 2007: 292] и др., которые по праву являются классическими и, по-видимому, являются базовыми для изучения памяти и коммеморативной практики.